

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA, vol. XLII: 2017, pp. 165–175. ISSN 0081-6884.
Adam Mickiewicz University Press, Poznań

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ГЕНДЕРНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНО-
И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

THE SPECIFIC NATURE OF THE SEMANTICS
OF GENDER IDIOMATIC PHRASES
(BASED ON MATERIAL FROM EAST-SLAVONIC
AND WEST-SLAVONIC LANGUAGES)

KATERINA KEDRON

ABSTRACT. This study is an attempt to show how the “gender” semantics of fixed expressions form and what the function of the gender component is in this process. An analysis of the language material shows that there are several cases of modification of “gender” semantics of idiomatic phrases: changes in the phrase’s connotation (there are distinctions between utterances with the same structure in one language or between similar cases in different languages); the change of the referent from male to female (or vice versa) or to the common human meaning etc. It is also shown that the role of the gender component is intrinsic to semantic processes.

Katerina Kedron, Mendelova univerzita v Brně, Brno – Česká republika,
katarina.kedron@gmail.com

Одним из аспектов анализа гендерной проблематики в области фразеологии является рассмотрение семантической составляющей идиом. В данной статье рассматривается группа фразеологизмов с гендерной тематикой (далее *гендерные фразеологизмы*¹) на предмет влияния компонентов, соотносящихся с мужчиной или женщиной², на семан-

¹ Для удобства и краткости в рамках этой работы условно принимается термин *гендерный фразеологизм*. Под гендерными фразеологизмами здесь понимаются любые устойчивые словосочетания, эксплицитно или имплицитно выражающие гендерную принадлежность (т. е. так или иначе характеризующие мужчину или женщину или отношения между ними). Более подробно о подходе к границам гендерной фразеологии см. ниже.

² Во внимание принимаются фразеологизмы, значение которых характеризует как биологические признаки полов, т. е. мужское / женское, так и социальные признаки, т. е. мужественное / женственное, поскольку во фразеологии обе эти характеристики находятся в тесной взаимосвязи. Например, фразеологизмы *прекрасный пол* в значении „женщины“ не просто называет женщин по полу, а содержит дополнительные оценочные характеристики, свидетельствующие об определен-

тику фразеологизма. Особый интерес в этой связи представляет собой, с одной стороны, проявление связи гендерного компонента с общим значением фразеологизма вообще, с другой стороны, возможные варианты изменения значения аналогов в разных языках, а также изменения „гендерной” семы в процессе существования фразеологизма, когда одни фразеологизмы сохраняют свою принадлежность к мужскому или женскому референту, а другие могут ее модифицировать. Ниже предпринята попытка ответить на вопросы:

- а) как реализуются гендерные компоненты во фразеологии;
- б) какова роль таких компонентов в формировании значения, а также в процессе существования фразеологизмов;
- в) какие изменения может претерпевать общее значение фразеологизмов гендерной направленности.

Прежде чем приступить непосредственно к рассмотрению намеченной проблематики следует уточнить актуальную терминологию и привести некоторые исходные позиции данного исследования. Прежде всего отметим, что нами принимается широкое понимание фразеологии, в рамках которого под фразеологизмом понимается сочетание языковых единиц, обладающих смыслом и создающих какую-либо аномалию в семантическом и/или грамматическом плане [Čermák 2007a: 13].

Для освещения поставленных выше вопросов привлекается материал четырех близкородственных славянских языков: двух западно-славянских (чешский и польский) и двух восточнославянских (русский и белорусский)³, что, с одной стороны, дает более широкую и полную

ных ценностях общества носителей языка (о различиях понятий *мужской / женский* vs. *мужественный / мужественный* см., напр., [Коваль 2007: 7-8]).

³ Выборка фразеологизмов проводилась из следующих фразеологических словарей: белорусский материал: И. Я. Лепешаў, *Слоўнік фразеалагізмаў*, т. 1-2, Мінск 2008; *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, т. 1-5, Мінск 1977-1984; Ф. М. Янкоўскі, *Беларуская фразеалогія. Фразеалагізмы. Іх значэнне, ужыванне*, Мінск 1968; И. Я. Лепешаў, *Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў*, Мінск 2004; польский материал: J. Bralczyk, *Słownik frazeologiczny PWN z Bralczykiem*, Warszawa 2008; P. Müldner-Nieckowski, *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*, Warszawa 2004; J. Anusiewicz, J. Skawiński, *Słownik polszczyzny potocznej*, Warszawa-Wrocław 1996; чешский материал: F. Čermák et al., *Slovník české frazeologie a idiomatiky, díl I-III*, Praha 2009; русский материал: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова, *Фразеологический словарь современного русского литературного языка*, под ред. А. Н. Тихонова, т. 1-2, Москва 2004; В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, *Большой словарь русских поговорок*, Москва 2007; А. К. Бирях, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова, *Русская фразеология*, Москва 2007. Дополнительно использовались также переводные словари: A. Aksamiłow, M. Czura, *Słownik frazeologiczny białorusko-polski*, Warszawa 2002; К. Гюлумянц, *Польско-русский фразеологический словарь*,

картину гендерной фразеологии, с другой стороны, позволяет проследить общие и различные тенденции, а также анализировать материал с целью его последующего включения в переводные словари.

Семантика фразеологизмов

При изучении семантики фразеологизмов важнейшими вопросами становятся, с одной стороны, соотношение их прямого и переносного значения, с другой стороны, соотношение общего значения фразеологизма и значения отдельных компонентов. В западной лингвистике предпринят ряд исследований экспериментального плана (в рамках непосредственно лингвистических и интердисциплинарных направлений, например психо-, нейролингвистики и др.), которые изучают процессы восприятия фразеологизмов с целью понять, осознаем ли мы прямое значение фразеологизма (его компонентов) в процессе его восприятия и понимания. Центральной идеей таких работ — подтверждаемой⁴ или опровергаемой⁵ в них — является целостный характер семантики идиом, неразложимость значения и независимость его от семантики отдельных компонентов⁶.

Вопросам значения фразеологизмов посвящен целый ряд восточноевропейских исследований [см., напр., Авалиани 1971, Алефиренко 1982, Алехина 1979, Толикина 1972, Ройзензон 1977, Телия 1980, Рај-

т. 1–2, Минск 2004; H. Pietrak-Meisner, *Słownik frazeologiczny czesko-polski*, Lublin 1993; V. M. Mokijenko, A. Wurm, *Česko-ruský frazeologický slovník*, Olomouc 2002; L. Stěpanová, *Rusko-český frazeologický slovník*, Olomouc 2002. В работе над материалом русского языка был дополнительно использован словарь В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва 2002, далее использовались источники: национальные корпуса русского, чешского и польского языков, данные, полученные из текстов газет, журналов, а также из Интернета.

⁴ См., напр., S. A. Brown, S. M. Bell, *On catching on to idiomatic expressions*, „Memory and Cognition” 1973, no. 1, с. 343–346; R. W. Gibbs, *Spilling the beans on understanding and memory for idioms in context*, „Memory and Cognition” 1980, no. 8, с. 149–156.

⁵ См., D. A. Swinney, A. Cutler, *The access and processing of idiomatic expressions*, „Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior” 1979, no. 18, с. 523–534; J. C. Cutting, K. Bock, *That’s the way the cookie bounces: Syntactic and semantic components of experimentally elicited idiom blends*, „Memory and Cognition” 1997, no. 25 (1), с. 57–71; S. A. Sprenger, W. J. M. Levelt, G. Kempen, *Lexical access during the production of idiomatic phrases*, „Journal of Memory and Language” 2006, no. 54, с. 161–184 и др.

⁶ Объем данного исследования не позволяет подробно рассмотреть работы западных исследователей. Однако в контексте нашей работы более важно рассмотреть взгляды славянских исследователей, поскольку именно в славянской фразеологии развивается анализ образности фразеологизмов и соотнесение образа, лежащего в основе единицы и ее семантики.

dzińska 2001 и др.]⁷, причем особое значение приобретает изучение мотивации и образности фразеологизмов в рамках лингвокультурологических и этнолингвистических исследований [Bartmiński 1998, Pajdzińska 1990, Lewicki 1990, Телия 1996 и др.]. В отличие от вышеописанных западных работ, фокусирующих внимание на значительности / незначительности прямого значения идиомы и ее компонентов в ее восприятии, восточноевропейские фразеологи часто опираются на концепцию В. Н. Телии, основанной в свою очередь на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа, М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1987], смысл которой (в предельно упрощенном описании) состоит в том, что мотивация слов и идиом связывается не с их первоначальным значением, а с рядом культурно-значимых понятий, через которые они интерпретируются (сознание — это контейнер, любовь — это путешествие) и др.

Существуют различные подходы к рассмотрению семантики фразеологизмов в отношении к их образности. Проблема образного основания идиом освещается в хорошо известной в области восточнославянских исследований фразеологии книге [Телия 1996]. В. Н. Телия, подчеркивает значение образной составляющей, мотивированной первоначальным значением фразеологизма: идиообразование можно обозначить как процесс метафоризации, включающий синтез выводного знания о денотате, его ценностную квалификацию и восприятие образной гештальт-структуры —

изобразительное или умозрительное, служащее стимулом для положительного или отрицательного эмоционального отношения, переживаемого в форме чувства-отношения к тому подобию, через призму которого воспринимается обозначаемое (денотат)... [Телия 1996: 150].

Белорусский фразеолог И. Я. Лепешев, анализируя образность поговорок, отмечает, что при метафорическом переосмыслении значения возникает определенное абстрактное суждение, заложенное в поговорке, которое передается через конкретные образы. Образность, по мнению Лепешева, — это одновременное видение двух картин: например, в случае поговорки бел. *кашы маслам не сапсуеш* исходное представление, лежащее в основе поговорки, „хотя и находится как бы в тени сознания, но не может не просматриваться через его целостное паремиологическое значение” [Лепешаў 2010: 86]. Автор отмечает, что

⁷ Этот ряд не включает работы пражского исследователя Ф. Чермака и его школы, идущие врозь с когнитивными исследованиями и рассматривающие понятие фразеологизма в структурном аспекте; в настоящее время пражская фразеологическая школа ориентируется прежде всего на направление корпусных исследований.

ряд поговорок возникает на синтаксической основе, т. е. вследствие переосмысления общего значения словосочетания, а не отдельных его компонентов (напр. *Яблык ад яблыні недалёка падае*). Однако есть группа фразеологизмов, в которых переосмысляются не все компоненты, а лишь некоторые из них. Например, в поговорке *не такі страшны чорт, як яго малююць* в общем значении „это не так страшно, как кажется“ иносказательное значение принимают только компоненты *чорт* и *малююць*; в поговорке *яйцо курыцу вучыць* сохраняет первоначальное значение слово *вучыць* [там же, 85–86].

В связи с этим можно упомянуть также концепцию А. М. Мелерович, которая полагает, что значение некоторых компонентов фразеологизмов может приобретать символический характер. По мнению автора,

субстантивные компоненты ФЕ, паремий с первичным внефразовым конкретнопредметным значением уже в составе ФЕ часто воспринимаются и актуализируются в тексте как особые внутрифразовые символы, семантика которых мотивирована как семантикой и структурой ФЕ, в состав которых они включены, так и содержанием и структурой включающего их текста [Мелерович 2004: 17].

Концепция образования отфразеологических символов и основополагающей роли субстантивных компонентов-символов доказывается на русском фразеологическом материале в литературном дискурсе [там же]. Таким образом, значение отдельных компонентов фразеологизмов заслуживает пристального внимания. Исходя из подхода А. М. Мелерович, мы полагаем, что гендерные компоненты часто несут символическую нагрузку и влияют на общее значение фразеологизмов. Ниже мы попытаемся показать это на конкретных примерах анализа гендерных фразеологизмов.

Символическая функция компонентов фразеологического состава

Рассматриваемые в данной статье языки включают в себя объемный корпус фразеологизмов, так или иначе характеризующих гендер. Широта возможных гендерных признаков фразеологизмов отмечается в [Першай 2014], где автор замечает, что

Во фразеологизмах разных типов „проступают“ разные аспекты гендерной семантики, которые с различной динамикой и интенсивностью указывают на пол, гендерную принадлежность объекта номинации, а также на его или ее соответствие нормативным требованиям пола [Першай 2014: 44].

В связи с этим возникает проблема определения границ гендерной фразеологии, где сложности возникают на семантическом и формальном уровнях.

В центре нашего внимания находятся фразеологизмы, содержащие характеристики мужчины или женщины или их отношений, выраженные в образной составляющей устойчивых словосочетаний или их значениях. Ввиду ограниченного объема данной работы рассмотрим небольшую группу единиц, включающих определенный *гендерный компонент* (ГК)⁸.

Рассматривая единицы данной группы, интересно понаблюдать, с одной стороны, как реализуется семантика гендерных компонентов, а с другой стороны, как гендерная семантика отображается в компонентном составе. Для этого рассмотрим небольшую группу фразеологизмов с компонентом *баба* и разберем перекликающиеся вопросы а) каким образом реализуется гендерная семантика в компоненте *баба*, входящем в состав фразеологизма и б) как значение „женщина“ отражается в компонентном составе фразеологизмов данной группы⁹. Ввиду разнообразия материала и возможных функций ГК в составе фразеологизма ограничимся такими выражениями, в которых ГК называет определяемое понятие и чаще всего выполняет роль стержневого компонента (напр. пол. *baba z bazaru*, бел. *баба як гром*).

Для определения соотношения семантики фразеологизмов данной группы и указанного ГК необходимо определить значение лексемы *баба* (бел. *баба*, пол. *baba*, ч. *baba*, *bába*). В изучаемых языках оно определяется следующим образом (не считая случаев омонимии): 1. старая женщина; 2. мать матери или отца (бабушка); 3. женщина вообще (обычно с пометой *пренебр.*); 4. жена; 5. женщина, которая принимает роды (*устар.*); 6. слабохарактерный, несмелый мужчина — во всех языках; в русском и польском языке также: 7. замужняя крестьянка; в польском языке: 8. торговка [см. СРЯ, ТСБМ, SSČ, SJP]. Рассмотрим, какие из указанных значений находят отражение во фразеологии. При этом будем учитывать тот факт, что в разговорном чешском языке в значении 3. чаще всего употребляется лексема *ženská*, полностью совпадающая как в плане стилистики, так семантики со словом *баба* и его эквивалентами в польском и белорусском языках.

Во фразеологизмах, где ГК *баба* является стержневым, он реализует прежде всего значение „женщина“, другие компоненты отражают

⁸ Данный термин используется здесь условно — для удобства и обозначения единиц, обозначающих мужчин или женщин по какому-либо признаку.

⁹ Полный ответ на поставленные вопросы предполагает рассмотрение более широкого материала, тем не менее мы полагаем, что рассмотрение небольшой группы фразеологизмов с компонентом *баба* позволит обозначить основные явления и семантические процессы, связанные с формированием гендерного значения (или гендерного элемента значения) фразеологизма, поскольку лексема *баба* является ключевой и одной из самых частотных в составе гендерной фразеологии.

остальные элементы семантики и несут как содержательную, так оценочную информацию. Такие фразеологизмы встречаются во всех описываемых нами языках. Так, например, в следующих белорусских фразеологизмах, характеризующих женщину, компонент *баба* является стержневым и употреблен в значении „женщина“, в то время как остальные компоненты обозначают оценочную семантику и непосредственные качества женщины, касающиеся ее характера, внешности и т. п.: *агонь-баба*, *бой-баба*, *хват-баба*, *баба як гром*. Единицы идентичной конструкции *агонь-баба* ‘энергичная женщина’, *бой-баба* ‘полная, активная, с шумливым характером женщина’, *хват-баба* разг. одобр.¹⁰ ‘ловкая, способная в работе женщина’ и сравнение *баба як гром* восхищенн. ‘полная, сильная, энергичная женщина’ описывают женщину одобрительно и имеют положительную коннотацию. Очевидно, что в компонентах *агонь*, *бой*, *хват*, *гром* метафорически переосмыслены различные качества, которые могут касаться как характера, так и внешности женщины (а иногда совмещать эти черты). В русском языке фразеологизм *баба рязанская* прост. ирон. ‘о неловкой, рассеянной, глупой женщине’, наоборот, является негативной характеристикой, ср. также польские фразеологизмы с негативной коннотацией: *chora baba* прост. бранн. ‘глупая женщина’, *baba z magla* разг., презрит. ‘сплетница’¹¹, *baba z bazaru* презрит. ‘простая, склочная, скандальная женщина’ и др. В чешском языке во фразеологизмах такого типа значение „женщина“ в преобладающем большинстве случаев передается компонентом *ženská* (часто в сравнениях типа (*být*) *ženská jako generál*, *ženská jako hrom* и др.). Компонент *bába* чаще всего относится к старой женщине, напр. *jedová bába* неодобр. ‘злая, склочная, обычно старая женщина’, *baba jaga* неодобр. ‘старая и некрасивая женщина’. Интересно, что эквиваленты последнего фразеологизма существуют во всех описываемых языках, и лишь в польском языке единица *baba jaga*, *baba jędza* характеризует женщину безотносительно к ее возрасту: перен. ‘о неприятной или некрасивой женщине’ (ср. бел. *баба яга* ‘о старой, злой женщине’, рус. *баба яга* фольк. или прост. ‘злая, сварливая или безобразная (старая) женщина’).

Таким образом, во фразеологизмах со стержневым компонентом *баба* в последнем реализуется прежде всего значение 3 („женщина“) и менее часто значение 1 (старая женщина, старуха). Для полноты следует

¹⁰ Оценочные пометы приводятся по словарям-источникам из приведенного выше списка.

¹¹ В случае последнего фразеологизма происходит определенное „наслоение“, когда гендерная семантика выражается разными способами в нескольких компонентах фразеологизма (в данном случае в ГК *baba* и *magiel*). Подробнее о таких случаях см. ниже.

добавить, что в польском языке встречается также фразеологизм *moja baba, moja kobieta* шутл. 'моя жена'¹² (т. е. значение 4).

Гендерные фразеологизмы обладают тенденцией обобщения значения конкретного пола и приобретения общечеловеческого смысла. Прежде всего это касается фразеологизмов с компонентами мужского рода¹³, которые, в связи с этим, в вариантных формах могут заменяться компонентом *человек* (ср. ч. *pán nepán, člověk na svém místě; být mužem na svém místě; (být) správný muž na správném místě, muž činu, muž práce* и под.).

В определенной мере, хотя и в меньшей, это свойственно и фразеологизмам с женскими ГК и касается относительно небольшой группы единиц, в т. ч. ряда фразеологизмов с компонентом *баба*. Среди отобранных нами фразеологизмов во всех языках существуют эквиваленты для идиомы *базарная баба*. Они по-разному соотносятся с полом референта. Если польская единица *baba z bazaru* сохраняет свою принадлежность к представительницам прекрасного пола, то белорусский фразеологизм *базарная баба* уже имеет гендерно нейтральное значение прост. неодобр. 'крикливый, грубый **человек**', так же, как и в русском языке¹⁴. В чешском языке существуют сравнительные обороты, обла-

¹² Фразеологизмы типа *moja baba, moja kobieta* могут вызывать вопрос, можно ли их вообще считать фразеологизмами. В какой-то мере их идиоматичность спорна, хотя данные единицы фиксируются фразеографическими источниками (напр. SFJP), ведь гендерный компонент здесь реализует одно из своих прямых лексических значений, таким образом получается, что в данном устойчивом, воспроизводимом словосочетании отсутствует семантический сдвиг, что является основным признаком идиоматичности словосочетания. Несмотря на это, с нашей точки зрения, включение его в число фразеологизмов оправдано. Значение „жена” лексемы *baba* не является основным, оно не частотно и на сегодняшний день его можно считать архаичным, т. е. для современного носителя языка прямое прочтение данного фразеологизма не совпадает с его общим значением. Таким образом, мы полагаем, что значение данного словосочетания можно считать фразеологизированным.

¹³ Ср. ситуацию на лексическом уровне, где у существительных, называющих человека, обобщение происходит почти всегда в случае мужского рода, что является нормой [ср. работы Šmejrková 2002, Шульга 1997, Кронгауз 1996 и др.].

¹⁴ В некоторых случаях гендерную принадлежность фразеологизма нельзя определить только по описанию семантики в словарных статьях или указаниям лексикографов на пол референта, поскольку в разных словарях пометы могут отличаться. Это можно наблюдать и в случае русского фразеологизма *базарная баба*. К примеру, БСРП определяет данный фразеологизм следующим образом: *Базарная баба* Прост. Неодобр. 'Крикливый, грубый, вздорный **человек, скандалист**' [БСРП: 21], в то время как РСФС дает следующую характеристику: грубо-прост. неодобр. 'Крикливый, грубый, вздорный **человек (обычно женщина); скандалист**'. В таких случаях могут оказаться полезными данные национальных корпусов. В конкретном случае фразеологизма *базарная баба* корпус представляет ряд употреблений как в отноше-

дающие идентичным значением и образностью (хотя и отличающиеся от вышеописанных идиом своей конструкцией — ГК здесь находится в правой части сравнения и является определяющим, а не определяемым компонентом; более подробно о таких единицах см. ниже): прежде всего это *je užvaněný jako stará, svičková bába*, ср. также *mít hubu jako šejflířka, kramářka*. Интересно, что если данный фразеологизм имеет общечеловеческое значение, то единица *mít hubu, hádat se jako cikánka* сохраняет принадлежность к женскому полу, хотя и в этом случае переосмысливается то же самое — скандальное поведение женщины (досл. 'быть склочной, крикливой, ругаться как цыганка')¹⁵. Нейтрализация гендерного значения характерна и для других чешских фразеологизмов с компонентом *bába*, таких, например, как *kostelní bába, svičková bába*, употребляемых в значении 'ханжа, святоша, суеверный, фанатично верующий человек'.

Итак, нами была рассмотрена небольшая группа фразеологизмов, содержащих компонент *баба*, называющий определяемое понятие и выступающий в роли стержневого компонента. Из разобранных нами примеров видно, что компонент *баба* чаще всего сохраняет свое прямое лексическое значение. При этом в данной группе в некоторых случаях наблюдается свойство приобретать гендерно нейтральное, общечеловеческое значение, что присуще и лексике, где, как известно, ярко проявляется асимметрия рода, поскольку нейтрализация происходит по мужскому роду. Наши же примеры показывают, что во фразеологии не являются исключением случаи изменения семантики во фразеологизмах с женским референтом (в отличие от других уровней языка, где более систематично проявляется тенденция языкового андроцентризма, а такие случаи, как описанные выше, редки).

В целом нужно сказать, что описанные в данной статье примеры лишь частично освещают значительно более широкую тему семантики гендерных фразеологизмов и роли гендерных компонентов в общем значении идиом.

нии мужчины, так и в отношении женщины. Поэтому можно полагать, что в данном случае речь идет о нейтрализованном гендерном значении.

¹⁵ Ср. и другие примеры единиц такого типа: бел. *плакаць як баба* неодобр. 'о мужчине, слишком эмоционально реагирующем на сложившуюся ситуацию, плачущем' характеризует мужчину, а его чешский аналог *nařikat jako stará bába* употребляется независимо от пола референта: неодобр., осудит. 'о взрослом и ребенке: быть постоянно недовольным, все время ныть и жаловаться на что-л.'; ср. также аналоги: рус. *как баба сварливая* смол. неодобр. 'о вздорном, сварливом человеке' и бел. *сварлівы як старая баба* неодобр. 'о ворчливом, нудном, злобном мужчине'.

Библиография

- Bartmiński J., *Podstawy lingwistycznych badań nad stereotypem – na przykładzie stereotypu matki*, „Język a Kultura”, Wrocław 1998, t. 12, s. 63–83.
- Bobrow S. A., Bell S. M., *On catching on to idiomatic expressions*, „Memory and Cognition” 1973, no. 1, s. 343–346.
- Cutting J. C., Bock K., *That’s the way the cookie bounces: Syntactic and semantic components of experimentally elicited idiom blends*, „Memory and Cognition” 1997, no. 25 (1), s. 57–71.
- Čermák F., *Lexikon a sémantika*, Praha 2010.
- Čermák F., *Úvod: Idiomatika a frazeologie ve vztahu k jiným disciplínám*, [в:] *Frazeologie a idiomatika česká a obecná*, Praha 2007a, s. 13–22.
- Čermák F., *Základy a zásady frazeologie a idiomatiky*, V: *Frazeologie a idiomatika česká a obecná*, Praha 2007b, s. 23–72.
- Čmejrková S., *Rod v jazyce a komunikaci. Specifika češtiny*, „Slovo a slovesnost” 2002, roč. 63, s. 263–286.
- Gibbs R. W., *Spilling the beans on understanding and memory for idioms in context*, „Memory and Cognition” 1980, no. 8, s. 149–156.
- Lakoff G., *Women, Fire and Dangerous Things*, Chicago 1987.
- Lakoff G., Johnson M., *Metaphors We Live By*, Chicago 1980.
- Lewicki A. M., *Rola motywacji w opisowym słowniku zwrotów idiomatycznych*, [в:] H. Rybicka - Nowacka, B. Roślawski (eds.), *Tradycja i nowoczesność w nauczaniu cudzoziemców języka polskiego*, Wydawnictwo Uniwersyteckie, Gdańsk 1990, s. 64–73.
- Pajdzińska A., *Antropocentryzm frazeologii potocznej*, „Etnolingwistyka” 1990, t. 3, s. 59–69.
- Pajdzińska A., *O znaczeniu związku frazeologicznego (raz jeszcze)*, „Problemy Frazeologii Europejskiej” 2001, t. 4, s. 11–18.
- Sprenger S. A., Levelt W. J. M., Kempen G., *Lexical access during the production of idiomatic phrases*, „Journal of Memory and Language” 2006, no. 54, s. 161–184.
- Swinney D. A., Cutler A., *The access and processing of idiomatic expressions*, „Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior” 1979, no. 18, s. 523–534.
- А в а л и а н и Ю. Ю., *К семантическим связям слов в самостоятельной функции и в составе фразеологической единицы*, [в:] *Вопросы описания лексико-семантической системы языка*, Москва 1971, с. 15–20.
- А л е ф и р е н к о Н. Ф., *Фразеологическое значение в системе семантических единиц других уровней языка*, [в:] *Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях*, Кишинев 1982, с. 176–180.
- А л е х и н а А. И., *Фразеологическая единица и слово*, [в:] *К исследованию фразеологической системы*, Минск 1979.
- К о в а л ь В. И., *Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики*, Гомель 2007.
- Л е п е ш а ў І. Я., *Упоравень з часам*, Гродна 2010.

- Мелерович А. М., *Концептообразующее функционирование отфразеологических символов и система их фиксации в словаре „Фразеологизмы в русской речи“*, [в:] *Проблемы фразеологической и лексической семантики*, Москва 2004, с. 16–21.
- Першай А., *Семантика пола: репрезентация гендерных отношений во фразеологии*, Вильнюс 2014.
- Ройзензон Л. И., *Русская фразеология*, Самарканд 1977.
- Телия В. Н., *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, Москва 1996.
- Телия В. Н., *Семантика связанных значений слов и их сочетаемости*, [в:] *Аспекты семантических исследований*, Москва 1980, с. 250–319.
- Толикина Е. Н., *Природа значения фразеологических единиц*, [в:] *Вопросы семантики фразеологических единиц*, Новгород 1972.

Список сокращений

- БСРНС — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., *Большой словарь русских народных сравнений*, Москва 2008.
- БСПИ — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., *Большой словарь русских поговорок*, Москва 2007.
- SFJP — Skorpka S., *Słownik frazeologiczny języka polskiego*, Warszawa 1967.
- СРЯ — *Словарь русского языка*, ред. А. П. Евгеньева, Москва 1999.
- SJP — *Słownik języka polskiego*, red. W. Doroszewski, Warszawa 1958–1969, [в:] электронный ресурс: <http://sjp.pwn.pl/doroszewski>
- SSČ — *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*, reds. J. Fílipec, F. Daneš, Praha 2004.
- RČFS — Stěpanova L., *Rusko-český frazeologický slovník*, Olomouc 2007.
- ТСБМ — *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*, Мінск 2005.

